

«Сотрудничество», «антагонизм» и «дистанцирование»: три политизированные стратегии в постмодернистских концепциях культуры

А. Д. Маркитантов

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. В статье анализируется функционирование политизации в концепциях постмодерна. Предполагается, что политизация может значительно влиять на гуманитарное знание, а также провоцировать развитие специфических политизированных стратегий противостояния в рамках философских представлений о культуре. Поскольку политизация является современным социальным явлением, она также должна быть особым свойством постмодернистской культуры и вероятной характеристикой её теории. При этом политизация, действующая внутри теории культуры, вероятно, обретает своё специфическое назначение. Для выделения ограниченного круга теории понятию «постмодерн» дано определение в рамках парадигмального подхода.

Содержание. Дискурс-анализ крупнейших парадигмальных концепций постмодерна (Ж.-Ф. Лиотар, Ф. Джеймисон, Л. Хатчеон, Л. Коул, Ю. Хабермас) позволяет выделить в них политизированные компоненты (неолиберальные, неомарксистские и др.), с которыми соотносятся стабильные структурно-дифференцированные элементы постмодернистской теории («безвыходность» – «метанарратив» – «информационное общество»). Выделенные типы дискурсивных стратегий («сотрудничество», «антагонизм» и «дистанцирование») соответствуют способам теоретического взаимодействия политизированного знания с деполитизированным («постмодернистской» философией, искусством и пр.) Демаркация позволяет признать политизированные основания фундирующими теоретическими элементами культурологических концепций современности: первые зачастую выступают в качестве предикторов и пресуппозиций в отношении иных объектов постмодернистской теории (например, искусства). Некоторые противоречия между различными концепциями постмодерна объясняются специфической политизацией эстетических эффектов современности.

Выводы. Предпринята попытка реактуализации некоторых проблем в рамках концепций постмодерна. Поскольку парадигмальные концепции современной культуры неразрывно связаны с представлениями о будущем, следует констатировать неизбежность влияния политической сферы на подобные теории, однако во избежание предсказуемых последствий политизации, требуется развитие методологии и специального философского аппарата для подобных исследований, а также проведение междисциплинарных исследований. Признаётся существенный разрыв в понимании «модерна» и «постмодерна», возникший вследствие специфической политизации последнего. Основания для демаркации между премодернистской и модернистской культурами отличны от тех, которые применяются для модернистской и постмодернистской.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, постмодернизм, постпостмодерн, метамодерн, политизация, политика постмодерна, культурные парадигмы.

Для цитирования: Маркитантов А. Д. «Сотрудничество», «антагонизм» и «дистанцирование»: три политизированные стратегии в постмодернистских концепциях культуры // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2025. – № 1. – С. 101–116. DOI: 10.35231/18186653_2025_1_101. EDN: EEKNBY

Original article
UDC 130.2
EDN: EEKNBY
DOI: 10.35231/18186653_2025_1_101

“Cooperation”, “Antagonism” and “Distancing”: Three Politicized Strategies in Postmodern Concepts of Culture

Artyom D. Markitantov

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The article is devoted to the analysis of the functioning of politicization in postmodern concepts. It is assumed that politicization can significantly influence humanitarian knowledge, as well as provoke the development of specific politicized strategies of confrontation within the framework of philosophical ideas about culture. Since politicization is a modern social phenomenon, it should also be a special feature of postmodern culture and a likely characteristic of its theory. At the same time, politicization, operating within the theory of culture, probably finds its specific purpose. To highlight a limited range of theory, the concept of «postmodern» is defined within the framework of a paradigmatic approach.

Content. The discourse analysis of the major paradigmatic concepts of postmodernism (J.-F. Lyotard, F. Jameson, L. Hutcheon, L. Cole, J. Habermas) allows us to identify politicized components in them (neoliberal, neo-Marxist, etc.), with which stable structurally differentiated elements of postmodern theory correlate ("indestructibility" – "meta-narrative" – "information society"). The identified types of discursive strategies ("cooperation", "antagonism" and "distancing") correspond to the methods of theoretical interaction of politicized knowledge with depoliticized ("postmodernist" philosophy, art, etc.) Demarcation allows us to recognize politicized foundations as the founding theoretical elements of cultural concepts of modernity: the former often act as predictors and presuppositions in relation to other objects of postmodern theory (for example, art). Some contradictions between different postmodern concepts are explained by the specific politicization of the aesthetic effects of modernity.

Conclusions. An attempt has been made to reactualize some problems within the framework of postmodern concepts. Since the paradigmatic concepts of modern culture are inextricably linked with ideas about the future, it should be stated that the influence of the political sphere on such theories is inevitable, however, in order to avoid the predictable consequences of politicization, it requires the development of methodology and a special philosophical apparatus for such research, as well as interdisciplinary research. It is recognized that a significant gap in the understanding of "modern" and "postmodern" arose as a result of the specific politicization of the latter. The grounds for demarcation between pre-modern and modern cultures are different from those used for modern and postmodern.

Key words: modern, postmodern, postmodernism, post-postmodern, metamodern, politicization, postmodern politics, cultural paradigms.

For citation: Markitantov, A. D. (2025) “Sotrudnichestvo”, “antagonizm” i “distantsirovanie”: tri politizirovannye strategii v postmodernistskikh kontseptsiyax kul'tury [“Cooperation”, “Antagonism” and “Distancing”: Three Politicized Strategies in Postmodern Concepts of Culture]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. Pp. 101– 116. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2025_1_101. EDN: EEKNBY

Введение

В рамках данной статьи термин «политизация» следует считать в первую очередь социологическим, поскольку, например, политология вынуждена рассматривать политизацию преимущественно «внутри» политики, социология же концентрируется на «внешней» стороне этого процесса, рассматривая политику в совокупности со множеством других общественных систем.

Согласно распространённому социологическому подходу в обществе образуются до некоторой степени автономные, замкнутые системы человеческого действия (вокруг религии, науки и пр.) Автономность таких систем позволяет им формировать свои языки, свои «логики», своё знание, которое впоследствии, при определённых условиях может влиять не только на другие подобные системы, но и на «верховную реальность повседневной жизни», как эту сферу человеческого опыта обозначил австрийский феноменолог А. Шюц [9, с. 6]. Политизация, таким образом, представляет собой частный случай специфической способности автономных общественных систем «ионизировать», влиять на другие области социального мира, потому неудивительно, что она хорошо закреплена в аксиоматике современной социологии. Политизация не является политикой, также как болельщики вокруг ринга не являются бойцами. Более того, связь между политикой и политизацией чрезвычайно искажена («аналитикой», идеологией и пр.)

Здесь думается уместным упомянуть работы К. Шмитта: статью «Понятие политического» (1927), доклад «Эпоха деполитизаций и нейтрализаций» (1929) – одна из самых ранних попыток теоретического осмысления политизации и одновременно пример её функционирования в гуманитарном знании: «Процесс постоянной нейтрализации различных областей культурной жизни дошел до конца, потому что дошел до стадии техники. Техника уже не есть нейтральная почва в смысле этого процесса нейтрализации, и ею будет пользоваться всякая сильная политика» [14, с. 56].

Контекстом данной статьи также является эссе В. Беньямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936), в котором, помимо прочего, анализируется растущая политизированность модернистской культуры. Этот процесс кажется В. Беньямину закономерным, в том числе в связи с раз-

витиём средств воспроизводства искусства: «...в тот момент, когда мерило подлинности перестает работать в процессе создания произведений искусства, преобразается вся социальная функция искусства. Место ритуального основания занимает другая практическая деятельность: политическая» [2, с. 28].

Работа В. Беньямина подвергалась убедительной критике. Так, можно вспомнить весьма резкую позицию Б. Латура и А. Энньона, сформулированную ими в статье «Как ошибки во множестве категорий приводят к известности». Критика по большей части касалась иных функций техники в искусстве, сакральных функций искусства, социологии авторства, проблем аутентичности в искусстве и пр. [16] Политизация же культуры в эпоху модерна – процесс действительно очевидный, его ярким примером может служить советское искусство, в значительной части которого религиозное основание заменено политическим.

Итак, политизация гуманитарного знания представляется актуальной междисциплинарной проблемой, рассматриваемый процесс может оказывать значительное влияние не только на направленность, но и на результаты гуманитарных исследований, его значение для эпистемологии и аксиологии сложно недооценить.

Однако объектом данной статьи является постмодерн как теория культуры – представление, ставшее, вероятно, одним из самых популярных, «массовых» в постнеклассической философии. При этом политизированность постмодернистских концепций культуры не привлекает широкого внимания, часто складывается впечатление, будто представления о постмодерне существуют «сами по себе», проистекают из строго сепарированной области знания, более того, часто постмодерн и постмодернистское искусство воспринимаются как принципиально деполитизированные [17, с. 3]. Это, в свою очередь, противоречит выводам В. Беньямина, поскольку при интенсификации рассматриваемых им явлений – постмодернистская культура, напротив, должна была бы приобрести ещё более политизированный характер. Вероятно, так оно и есть, однако если мы при этом разделяем позиции хотя бы некоторых постмодернистских теоретиков, природа этой политизации представляется несколько иной.

Таким образом, цель данной статьи – проанализировать политические функции крупнейших концепций постмодерна. Вероятно, это рассмотрение позволит также лучше понять сам термин

«постмодерн», в отношении которого нередко можно встретить упреки в расплывчатости, даже «бессодержательности»¹.

Указанная цель предполагает последовательное решение нескольких задач: определение функциональности понятия в рамках парадигмального подхода; анализ философской ситуации вокруг понятия, а также общего политического контекста; проведение дискурс-анализа крупнейших современных концепций постмодерна (Л. Хатчеон, Л. Коул, Ж.-Ф. Лиотар, Ф. Джеймисон, Ю. Хабермас и др.); выделение типов дискурсивных стратегий, их сравнение и обобщение.

В качестве теоретической гипотезы данного исследования было выдвинуто предположение о том, что характеристики постмодернистской культуры в значительной степени обусловлены политизированными интерпретациями искусства и социально-экономических данных. Малофункциональность вне специфического политизированного контекста предполагает идеологическую включённость, соответствующий конфликтогенный потенциал.

Широта термина «постмодерн» позволяет использовать его в самых разнообразных контекстах, что всякий раз вынуждает формулировать его ситуативное определение. В рамках данной статьи под постмодерном в первую очередь понимается парадигмальное состояние культуры, актуальное для текущего момента и возможное благодаря, главным образом, двум факторам: во-первых, сложным процессам развития мировой культуры, во-вторых, технологическому прогрессу, под которым понимается, в том числе, развитие общественно-политических отношений, т. е. постиндустриальное капиталистическое устройство принимается, помимо прочего, в качестве важнейшего постмодернистского основания. В таком случае в рамках данной статьи постмодернистская доктрина это в первую очередь теория, которая рассматривает постмодерн в качестве такой парадигмы, поэтому многие представители «постмодернистской» философии (такие как, например, Ж. Деррида, Ж. Делёз и др.) имеют к ней лишь косвенное отношение.

Сложность постмодерна как теоретической конструкции заключается главным образом в том, что она охватывает собой целую совокупность больших культурных тенденций, которые

¹ Кузнецов В. Н. Историко-философский балаган «Постмодернизма» («Театр масок» Жюль Делёза) // Философия и общество. 2000. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-filosofskiy-balagan-postmodernizma-teatr-masok-zhilya-delyoza> (дата обращения: 29.09.2024)

сами по себе могут ослабевать или усиливаться, при этом могут иметь ситуативные исторические проявления на индивидуальном, групповом или общественном уровне и выражаться в наличии не только определённого набора убеждений, предрассудков и привычек, но и в специфической чувственной культуре. Не стоит включать постмодерн в жёсткую темпоральную конструкцию, хотя он по большей части представляет собой характеристику современности, или хотя бы «недавней» современности, его черты, тем не менее, могут быть обнаружены также в самых разных исторических периодах, ведь, например, Ж.-Ф. Лиотар, как известно, весьма обоснованно относил к постмодернистам Д. Дидро, виднейшего мыслителя эпохи Просвещения [8].

Содержание исследования

Континентальные философы, относимые к «постмодернистам» (экзонимичное наименование, объединяющее таких «контрастных» мыслителей, как, например, Ж. Деррида и М. Фуко), зачастую не занимались разработкой термина «постмодерн», однако им удалось сформировать единое концептуальное поле, которое впоследствии было имплементировано в представление о нём. Лишь некоторые из таких концептов в виде терминов: заговор искусства (Ж. Бодрийяр), другой (Ж. Лакан, Ж. Батай), ирония (У. Эко, Р. Рорти), ризома (Ж. Делёз, П.-Ф. Гваттари), двойное кодирование (Ч. Дженкс) [10]. Парадигмальная идея постмодерна является также специфической социальной теорией [7, с. 18], охватывающей весьма широкую сеть философских проблем, в которой некоторым мыслителям удаётся формировать дискурсивные «узлы», между ними возможно симбиотическое сосуществование и эффективная конкуренция – так в ходе поиска объективной характеристики постмодерна обнаруживаются новые культурные процессы.

Одним из таких значительных «узлов» является текст Ж.-Ф. Лиотара «Состояние Постмодерна» 1979 г., в котором содержится ёмкое и крайне влиятельное определение постмодерна как «недоверия в отношении метарассказов» [6, с. 10]. Великие метанарративы, идеологические и религиозные конструкты, которые прежде служили обоснованием общественного движения, в условиях постмодерна «погибают» или

«размываются» до того, как обретут свою «разрушительную» или «спасительную» силу, что образует до некоторой степени равновесную систему «бесцельного», «перформативно-центричного», деидеогизированного движения по спирали технологического прогресса. Ж.-Ф. Лиотару принадлежит также другое ёмкое определение постмодерна – «неуправляемое возрастание сложности» [4, с. 5], посредством которого, вероятно, следует понимать развитие в постмодернистском смысле. При этом в такой культуре обнаруживается недоверие к социальному прогрессу [11, с. 112], безудержный эклектизм и неоднозначные отношения с моралью. Ж.-Ф. Лиотар, очевидно, благосклонно принимает некоторые из этих изменений, усматривая в метанарративах прошлого тоталитарный характер:

...в странах с либеральным или прогрессивно-либеральным правлением происходит преобразование этой [классовой] борьбы и ее руководителей в регуляторы системы; в коммунистических странах происходит возвращение, под тем же именем марксизма, тоталитарной модели и ее тоталитарных последствий, а борьба, о которой идет речь, просто лишена права на существование [6, с. 39].

Итак, подробно описывая условия, необходимые для возникновения «состояния постмодерна» – Ж.-Ф. Лиотар рассматривает западные либеральные демократии (например, состав категорий работников в США за период с 1950 по 1971 гг. [6, с. 19]) и помещает их в специфическое концептуальное поле, в котором они представляются «новейшей современностью», «наиболее эффективным» будущим. При этом «будущее» представляется лишённым того, что Ф. Фукуяма называл «историей». Этот очевидный консонанс наиболее ярко демонстрирует политизированность постмодернистской теории. Возможно ли, что «великие метанарративы» оказались в кризисе лишь из-за того, что «либеральная демократия» стала «конечным пунктом идеологической эволюции человечества» [12, с. 6]?

Интересно, что теория «метамодернизма» начинается именно с обращения к Ф. Фукуяме [7, с. 39], что уже позволяет сделать некоторые предположения о «политической преемственности» двух концепций, где «метамодерн» становится «свидетельством нового поворота Истории» [7, с. 18]. Считая «предчувствие конца» одной из черт постмодернистской куль-

туры, теоретики «метамодерна», вероятно, помимо прочего, опираются на ту характеристику «неистребимости» постмодерна, сформулированную У. Эко, к которой, в частности, обращается отечественный исследователь Ю. А. Шестаков, утверждая при этом, что «ризомная модель истории не может принимать концепцию прогресса» [13, с. 85].

Заявление Ф. Фукуямы было сделано вне контекста дискуссий о постмодерне, уж тем более «метамодерне», однако оно получило столь значимый резонанс не только ввиду своей импульсивности, но и вследствие своего созвучия общей культурной «тревоге», дезорганизованных по всему миру «интеллектуалов», «кузнецов» идеологий и богословий. Эта «тревога», как, например, в случае самого Ф. Фукуямы, могла быть оптимистичной или, напротив, пессимистичной, что было характерно как для многих неомарксистских и анархических мыслителей, так для традиционалистских и националистических. Таким образом, со стороны иных форм политических убеждений был дан соответствующий «ответ» этой «общей убеждённости», что впоследствии, вероятно, стало причиной появления столь разнообразных «видов» постмодерна, причиной превращения этого понятия в тот самый «неопознанный теоретический объект» [3, с. 189], хотя, отметим, на тот момент, для этой «неопознаваемости» были и другие причины.

Сперва условно выделим два типа «реагирующих» дискурса: «сотрудничающий» и «антагонистический». «Сотрудничество» проявляется в том случае, когда речь идёт о разработке проекта политических действий, отвечающих требованиям современности, которая признаётся постмодернистской. Можно предположить, что такая стратегия развертывания теории больше подходит для политической мысли, наименее зависимой от социоэкономического аппарата, например для анархических, некоторых либеральных и традиционалистских политических представлений.

В качестве примера подобного теоретизирования можно привести концепцию постмодернистского анархизма (постанархизма) Л. Колла, который опирается главным образом на работы Ф. Ницше, М. Фуко и Ж. Бодрийяра, находя между ними «весьма поразительное» [quite striking] [15, с. 90] сходство ввиду того, что «все они уделяют глубокую и неизменную критику буржуазного общества, уделяя особое внимание культурным аспектам

этого общества» [15, с. 90]. Постмодернистский элемент теории Л. Колла по большей части представляет собой рецепцию взглядов Ж. Бодрийера, которого предлагается понимать как «постмодернистского анархиста» за «разоблачение» чрезвычайно успешного способа, которым современные государства колонизируют семиотику, а также за его «глубоко скептическое отношение к апокалиптической зависимости от рациональности, которая характеризовала западную интеллектуальную деятельность со времен Просвещения» [15, с. 90–91].

«Антагонистический» тип предполагает сборку постмодерна на основе собственного теоретического аппарата, обычно социоэкономического, где «классика» постмодернистской теории может выступать лишь в качестве дополнения и/или примера. В таком случае мы получаем новую теорию, которая зачастую требует «сопротивления» тенденциям современности, при этом для эффективного достижения политических целей может потребоваться их эксплуатация. Подобный тип теоретизирования распространён среди мыслителей, испытывающих влияние К. Маркса. Отметим, что для марксистских теоретиков обращение к культуре стало распространённым теоретическим «манёвром» уже со времён А. Грамши.

Уместным примером в данном случае будет концепция Ф. Джеймисона, автора книги «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» (1991), в которой представлена обширная теория постмодерна, сконструированная посредством опоры на неомарксистскую методологию (Т. Адорно, Л. Альтюссер), а также психоаналитическую (Ж. Лакан, Ж. Делёз) и структуралистскую (К. Леви-Стросс). Ф. Джеймисону удалось углубить дискуссию о постмодерне благодаря введению в её рамки новых терминов, таких как «пастиш» и «реификация» (характеристика специфических процессов, происходящих в сознании человека позднего капитализма). Особенность подхода Ф. Джеймисона заключается в фокусе на диффузии экономики и культуры (коммерциализации), при котором постмодерн приобретает проблемную функцию по «защите» капиталистического устройства, сохранению «статуса-кво» сложившегося положения вещей. Этот «консерватизм» обеспечивается дезактивацией критики, путём её помещения в «быстрый» и «поверхностный» постмодернизм,

который представляет собой замкнутую саму на себя культуру «ситкома и рекламы» [5, с. 59]. Таким образом, даже лаконичное описание взглядов Ф. Джеймисона позволяет предположить, что Ф. Фукуяма, рассматривая международную политическую ситуацию, описал также и постмодерн: «...постмодернистская культура является внутренним и надстроечным выражением совершенно новой волны американского военного и экономического господства во всём мире...» [5, с. 91].

Наряду с описанным «сотрудничеством» и «антагонизмом», выделяются также дискурсы, которые можно условно обозначить как «избегающие» или «дистанцирующиеся». Речь идет о целой группе подходов, поскольку «избегать» теорию постмодерна можно по-разному и по многим причинам: из желания занять наиболее удобную исследовательскую позицию, избежать явной политической ориентации (Ж.-Ф. Лиотар, Л. Хатчеон); стремясь обозначить постмодерн как несостоявшуюся концепцию, как «провал, иллюзию» (Т. Иглтон, К. Норрис); настаивая на необходимости «отодвинуть» постмодернистскую теорию и возобновить дискуссию о модерне (Ю. Хабермас); концентрируясь на рассмотрении конкретных постмодернистских практик (И. Хассан) и пр. При этом сама эта «дистанция» зачастую либо связана со специфической политизацией, содержащейся в обосновании избегать постмодернистскую теорию, либо же не препятствует её имманентному функционированию. Можно также говорить о существовании некоторого смешения рассматриваемых стратегий, например об «избегающем сотрудничестве», которое стохастически встречается в работах Л. Хатчеон.

Уделяя значительное внимание постмодернистскому искусству, Л. Хатчеон обращается также к широкой постмодернистской теории и к политическим практикам, которые оказывают влияние на постмодернизм или испытывают таковое. Анализируя функции иронии и пародии в постмодернистском искусстве, Л. Хатчеон приходит к выводу, что они являются эффективным примером понимания доминирующих способов репрезентации в современном обществе, а значит позволяют подвергнуть деструктивные элементы культуры эффективной критике. Таким образом, Л. Хатчеон занимает критическую позицию в отношении взглядов Ф. Джеймисона и нередко прямо оппонирует ему в своих работах [18, с. 10]. При этом для Л. Хатчеон постмодерн

в первую очередь представляет собой комплект «дискурсивных стратегий» [discursive strategies] и «идеологической критики» [ideological critique], «эвристическим ярлыком» [heuristic labels] среди «литературно-исторических категорий», существование которого обусловлено стремлением создания модели «культурных изменений и преемственности» [18, с. 10–11].

В статье «Недоверие к метанарративу. Постмодернизм и феминизм» [Incredulity toward metanarrative. Postmodernism and feminisms], осуществляется попытка анализа влияния постмодернизма на феминизм, а также существующих между ними взаимодействий и взаимозависимостей, при этом в тексте содержится многократное обращение к характеристике постмодерна, сформулированной Ж.-Ф. Лиотаром, что позволяет сделать вывод о её значительном влиянии на Л. Хатчеон: «...вне метанарративов нет позиции, которую можно было бы критиковать, которая не была бы скомпрометирована. Это порождает не менее реальную, хотя в конечном счете неизбежно скомпрометированную политику нового времени» [19, с. 187].

Поэтому, признавая неразрывную связь между феминизмом и постмодернизмом, Л. Хатчеон констатирует, что постмодернизм «безусловно, политический», но при этом «политически амбивалентный», и потому у него «нет стратегий реального сопротивления, которые соответствовали бы феминистским» [19, с. 190].

При этом политизация постмодернизма сама по себе интересует Л. Хатчеон, в связи с чем мы можем рассмотреть монографию «Политика постмодернизма», где такая политизация признаётся «странной, но при этом неизбежной» [curious, if inevitable] [17, с. 2], а позиция, согласно которой постмодерн отстранен от участия в политике, признаётся «политически наивной и, по сути, совершенно невозможной» [a stand is probably politically naive and, in fact, quite impossible], поскольку одной из задач искусства постмодерна является выявление «того, что все культурные формы репрезентации – литературные, визуальные, слуховые – в высоком искусстве или средствах массовой информации идеологизированы» [17, с. 3]. В этой связи кажется неувидительным, что Л. Хатчеон связывает большую часть постколониальных исследований с постмодернизмом [20, с. 5].

Прежде чем сформулировать выводы, обратим внимание на позицию Ю. Хабермаса, которую можно также назвать фило-

софоцентричной. Так, по замечанию Л. Хатчеон, Р. Рорти, «резко критикуя» позиции Ж.-Ф. Лиотара и Ю. Хабермаса по вопросам постмодерна, иронично отметил, что «их объединяет преувеличенное понимание роли философии в современном обществе» [19, с. 187]. Хотя Ю. Хабермас является представителем «второго поколения» франкфуртской школы, и несмотря на то что известно его «прочтение» постмодерна как культурного «воплощения» неоконсерватизма, предполагающего оптимизм в отношении технологического прогресса и пессимизм в отношении морально-этического, культурного прогресса – интерпретация, до некоторой степени созвучная позиции Ф. Джеймисона, тем не менее, взгляды Ю. Хабермаса представляют собой значительную ревизию постмодернистских представлений. Вопросы модерна, которых касается постмодернистская критика, не только не снимаются в её свете, но, более того, они сохраняют свою силу. Речь идёт о том, что теоретическая работа Г. Гегеля (осознавшего первым проблему модерна, согласно Ю. Хабермасу) и К. Маркса, а также их последователей, не только работает с теми же проблемами (субъективности, власти, контроля, метафизики, угнетения), но и значительно эффективнее взаимодействует с ними, исходит из более совершенного понимания их сущности и помещает их в более «убедительный» контекст, в то время как постмодернизм фактически «замывает», отдаляется от окончательного теоретического решения, а значит «бежит» от всякой практики, становясь «гедонистической паузой» без значимого философского обоснования, в то время как у модерна сохраняются «три перспективы» дальнейшего обсуждения: через учение Ф. Ницше, левых гегельянцев и правых гегельянцев [1]. Такой подход позволяет представлять Ю. Хабермаса как «защитника «незавершённости» модерна» [the defender of the «unfinished project» of modernity] [19, с. 186].

Выводы

Последний абзац рассмотренной статьи Л. Хатчеон (2002) начинается со слов «эпоха постмодерна прошла» [18, с. 12], а заканчивается призывом к разработке нового «ярлыка», а также использованием термина «постпостмодерн». Сегодня так зачастую называют не эпоху, а теорию, всё то множество концепций, призванных «завершить» постмодерн: «метамодерн»

дернизм», «стакизм», «офф-модернизм» и пр. [7, с. 15] Эти дискуссии представляют собой одну из граней и, вероятно, не последнюю по значимости, сегодняшней актуальности постмодернистской теории. Неслучайно обсуждение всякой «новой парадигмы» зачастую начинается (а иногда и заканчивается) обсуждением постмодерна. С одной стороны, если нечто новое о современной культуре может быть сказано только через оптику «метамодерна» – вероятно, построение и обсуждение такой парадигмы вполне уместно, а с другой – лишается ли от этого современность старых, «модернистских» проблем и тенденций? При этом парадигмальный подход требует, как минимум, соответствия между фундаментальными процессами, происходящими в основании эпохи и собственно парадигмой, которая берётся её описывать. Это самое соответствие до сих пор представляется другой, большой гранью актуальности «текущей» постмодернистской теории, ведь процессы, которые она берётся описывать – громадны, в то время как её методология представляется весьма ограниченной.

Эта обусловлено множеством факторов, с одной стороны, свойствами тех объектов, на которые направлена постмодернистская теория (культурные изменения и влияния, художественные образы и эстетика, внутреннее, субъективное наполнение творческой деятельности и повседневности, работа власти, знания, чувств и пр.), с другой стороны свойствами самой философской методологии, которая в отношении столь сложных объектов, представляется весьма неоднородной, далёкой от завершения.

Политизация, рассмотренная в рамках данной статьи, также является источником этих ограничений. Под влиянием политических убеждений культура постмодерна может «заранее» приобретать исключительно положительную или, напротив, резко негативную характеристику, в связи с чем, например, исследователь может сконцентрировать своё внимание, в одном случае, на рекламе, а в другом – на авторском кино. Кроме того, вероятно, именно под влиянием политизации постмодерн «отрывается» от «родственного» модерна, в связи с чем складывается ситуация, в которой основания модерна «взрастают», преодолевая и формируя самые разные политические системы, целые технологические уклады, при этом от-

ражаясь в невероятном разнообразии художественных форм, в то время как для постмодерна требуется лишь несколько десятилетий «американской гегемонии», «эрозии» рационализма и исторического мышления. Однако если принять, хотя бы частично, позицию Ю. Хабермаса, то сложно не заметить, что вопросы модерна формировались не столько в рамках текущего политического момента, сколько внутри эволюции философской мысли, те невероятные изменения (в том числе мышления) и трагедии, которые стали сутью модерна, были последствием, в том числе, философской работы, что показывает нам значение философии и степень её ответственности, особенно в вопросах понимания современности, поскольку такие вопросы это всегда также и вопросы о будущем. Удивительно при этом, что в контексте постмодернистских дискуссий вопрос о будущем нередко кажется «затушёванным», либо «отодвинутым» ради «нарциссического» любования одной лишь современностью, либо «брошенным» в технологический «мальстрём». Когда же этот вопрос звучит в полную силу, постмодерн будто бы «теряет» приставку, поскольку в таком случае речь обычно посвящена К. Марксу.

Список литературы

1. Авсеев А. А. Диалектическая концепция спекулятивного и её рецепция в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – Т. 2. – № 2. – С. 70–78. EDN: KXCSPV
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / пер. С. А. Ромашко; ред. Ю. А. Здоровов. – М.: МЕДИУМ, 1996. – 239 с.
3. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. Качалов А. В.; ред. Данкова Л. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.
4. Волков В. Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. – 2015. – № 2 – С. 3–11. EDN: TXLNUX
5. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. Д. Кралечкина; ред. А. Олейникова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. – 808 с.
6. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. / пер. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
7. Метаинтернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / под ред. Р. Аккера, Э. Гиббонс, Т. Вермиолена; пер. Липка В. М. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 342 с.
8. Мусихин Г. И. Консерватизм и постмодернизм: между теоретическим союзом и идеологической несовместимостью // Общественные науки и современность. – 2011. – № 3. – С. 119–133. EDN: NUIYAJ
9. Ненашев М. И. Идеи социальной феноменологии Альфреда Шюца // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 2–1. – С. 6–11. EDN: MVQEUL
10. Новейший философский словарь. Постмодернизм / сост. А. А. Грицанов – Мн.: Современный литератор, 2007. – 816 с.
11. Паршуту И. Н. Постмодернистские рефлексии понятия о социальном прогрессе // Учёные записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. – 2013. – Т. 15. – С. 111–116. EDN: SQVMFH

12. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. М. Б. Левин; ред. Н. Никитенко. – М.: АСТ, 2015. – 576 с.
13. Шестаков Ю. А. Проблема динамики исторического процесса в философии постмодерна // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. – 2015. – № 2. – С. 84–87. EDN: VAQCGJ
14. Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций / пер. А. Ф. Филиппов // Социологическое обозрение. – 2001 – Т. 1. – № 2. – С. 48–58. EDN: TWMRFF
15. Call, L. Postmodern Anarchism. – Lanham, Lexington Books, 2002. – 159 p.
16. Hennion A., Latour B. How to Make Mistakes on So Many Things at Once – and Become Famous for It // Mapping Benjamin: The Work of Art in the Digital Age / Ed. by H. U. Gumbrecht, M. Marrinan. – Stanford University Press, 2003. – Pp. 91–99.
17. Hutcheon L. The Politics of Postmodernism. – London: Routledge, 2002. – 232 p.
18. Hutcheon L. Postmodern Afterthoughts. // Wascana Review of Contemporary Poetry and Short Fiction – 2002. – No. 37.1. – Pp. 5–12.
19. Hutcheon L. Incredulity toward Metanarrative: Negotiating Postmodernism and Feminisms // Collaboration in the Feminine: Writings on Women and Culture from Tessera. Ed. Barbara Godard. Toronto: Second Story. – 1994. – Pp. 186–192.
20. Hutcheon L. The Post Always Rings Twice: The Postmodern and the Postcolonial // Material History Review. – 1995. – No. 41. – Pp. 4–23.

References

1. Avseev, A. A. (2009) Dialekticheskaya koncepciya spekulyativnogo i eyo recepciya v teorii kommunikativnogo dejstviya Yu. Xabermasa [Dialectical concept of speculative and its reception in the theory of communicative action Yu. Habermas]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. Vol. 2. No. 2. Pp. 70–78. (In Russian). EDN: KXCSPV
2. Benjamin, V. (1996) (eds. by S. A. Romashko, Yu. A. Zdorovov) *Proizvedenie iskusstva v e'poxu ego texnicheskoy vosproizvodimosti* [The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction]. Moskva: MEDIUM. (In Russian).
3. Baudrillard, J. (2016) (eds. by Kachalov A. V., Dankova L.) *Dux terrorizma. Vojny` v zalive ne by'lo* [The Gulf War Did Not Take Place]. Moskva: RIPOLL classic. (In Russian).
4. Volkov, V. N. (2015) Postmodern: nedoverie k metanarrativam [Postmodernity: distrust of metanarratives]. *Kul'turnoe nasledie Rossii – Cultural Heritage of Russia*. No. 2. Pp. 3–11. (In Russian). EDN: TXLNUX
5. Jameson, F. (2019) (eds. by D. Kralechkin; A. Oleinikov) *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or the Cultural logic of late capitalism]. Moskva: Izd. Instituta Gajdara. (In Russian).
6. Lyotard, J-Fr. (1998) (ed. by N. A. Shmatko) *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition: A Report on Knowledge]. Moskva: Institut e'ksperimental'noj sociologii, Sankt-Peterburg: Aletejya. (In Russian).
7. Gibbons, A., Timotheus, V., Acker, R. (2020) (ed. by Lipka V. M.) *Metamodernizm. Istorichnost`, Affekt i Glubina posle postmodernizma* [Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]. Moskva: RIPOL klassik. (In Russian).
8. Musikhin, G. I. (2011) Konservativizm i postmodernizm: mezhdru teoreticheskim soyuzom i ideologicheskoy nesovmestimost'yu [Conservatism and postmodernism: between theoretical union and ideological incompatibility]. *Obshhestvenny'e nauki i sovremennost' – Social Sciences and Modernity*. No. 3. Pp. 119–133. (In Russian). EDN: NUIYAJ
9. Nenashev, M. I. (2010) Idei social'noj fenomenologii Al'freda Shyucza [The ideas of social phenomenology of Alfred Schutz]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University*. No. 2–1. Pp. 6–11. (In Russian). EDN: MVQEUL
10. Gritsanov, A. A. (2007) (ed.) *Noveishij filozofskij slovar'. Postmodernizm* [The newest philosophical dictionary. Postmodernism]. Minsk: Sovremenny'j literator. (In Russian).
11. Parshuto, I. N. (2013) Postmodernistskie refleksii ponyatiya o social'nom progresse [Postmodernist reflections on the concept of social progress]. *Uchyonye zapiski UO VGU im.*

- [116] P. M. Masherova – *Scientific notes of the Vitebsk State University named after P. M. Masherov*. Vol. 15. Pp. 111–116. (In Russian). EDN: SQVMFH
12. Fukuyama, F. (2015) (ed. by M. B. Levin) *Konec istorii i poslednij chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moskva: AST. (In Russian).
13. Shestakov, Yu. A. (2015) Problema dinamiki istoricheskogo processa v filosofii postmoderna [The problem of the dynamics of the historical process in postmodern philosophy]. *Sovremennye problemy social'no-gumanitarnykh nauk – Modern problems of social sciences and humanities*. No. 2. Pp. 84–87. (In Russian). EDN: VAQCGJ
14. Schmitt, C. (2001) (ed. by A. F. Filippov) *E'poxa depolitizacij i nejtralizacij* [The Age of Neutralizations and Depoliticizations]. *Sociologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. Vol. 1. No. 2. Pp. 48–58. (In Russian). EDN: TWMRFJ
15. Call, L. (2002) *Postmodern Anarchism*. Lanham, Lexington Books. 159 p.
16. Hennion A., Latour B. (2003) How to Make Mistakes on So Many Things at Once – and Become Famous for It. *Mapping Benjamin: The Work of Art in the Digital Age* / Ed. by H. U. Gumbrecht, M. Marrinan. Stanford University Press. Pp. 91–99.
17. Hutcheon, L. (2002) *The Politics of Postmodernism*. London: Routledge. 232 p.
18. Hutcheon, L. (2002) Postmodern Afterthoughts. *Wascana Review of Contemporary Poetry and Short Fiction*. No. 37.1. Pp. 5–12.
19. Hutcheon, L. (1994) Incredulity toward Metanarrative: Negotiating Postmodernism and Feminisms. *Collaboration in the Feminine: Writings on Women and Culture from Tessera*. Ed. Barbara Godard. Toronto: Second Story. Pp. 186–192.
20. Hutcheon, L. (1995) The Post Always Rings Twice: The Postmodern and the Postcolonial. *Material History Review*. No. 41. Pp. 4–23.

Об авторе

Маркинтанов Артём Дмитриевич, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: 0009-0003-2178-0480, e-mail: periovmadastra@mail.ru

About the author

Artem D. Markiantov, Postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation; ORCID ID: 0009-0003-2178-0480, e-mail: periovmadastra@mail.ru

Поступила в редакцию: 25.11.2024
Принята к публикации: 15.01.2025
Опубликована: 11.03.2025

Received: 25 November 2024
Accepted: 15 January 2025
Published: 11 March 2025